

ДРАМА... ВОСТРЕБОВАННОСТИ?

С именем Антона Семеновича Макаренко, на мой взгляд, связана одна из самых драматичных страниц в истории не только отечественной, но и мировой педагогики. Давно отшумели юбилейные мероприятия (по решению ЮНЕСКО 100-летие со дня рождения Макаренко отмечалось во всем мире), но яркость таланта и неоднозначность идей выдающегося педагога вынуждают возвращаться к ним вновь и вновь.

«Учительская газета» не раз обращалась к творческому наследию Макаренко. Вспомним публикации только нынешнего года — «Интеллектуальный ринг» на тему «Авторитет в педагогике» и «Деальтивация воспитания» А. Фролова (№ 20), «Антон, ты не прав?» студента Вятского пединститута А. Бальбердина (№ 25), подборки читательских писем в №№ 29 и 38.

Но, пожалуй, чем дальше, тем очевиднее, что спор о Макаренко и его наследию вырывается за рамки собственно педагогических дискуссий, переходя в плоскость идеологическую — в самом широком смысле слова. Полагаю, оттого, что перед нами обществом снова встает задача «формирования нового человека», оформление новой идеологии, смены социальных приоритетов и идеалов. И спор о Макаренко, мы хотим того или нет — но пытаемся с его помощью найти ответы на актуальнейшие социальные вопросы дня сегодняшнего.

В нынешнем спектре мнений наиболее рельефно просматриваются две по сути противоположные точки зрения. Одну из них, напомним, недавно выразил педагог и писатель Юрий Азаров в романе-исследовании «Не подымайся тебе, старик». Макаренко, заметил Азаров, гениально интерпретировал идеи сталинской теории: никакой личности, никакой свободы, никакой любви — это все отпрыски буржуазного мира, мы за коллектив, как систему отношений, где все связано, контролируемо, подвластно управлению, а педагог — не гуманист христианского типа, а «деловой человек», жестко осуществляющий большевистскую технологию».

(Истати, сомнительная связь «Макаренко — Сталин» начала разрабатываться в литературе задолго до романа Ю. Азарова. Еще в 1964 году в письме Аркадия Станиславского «Трагический подвиг (Четверо детей)», которая готовилась и постановке в одном из московских театров, в качестве главного героя фигурировал воспитанник коммуны имени Дзержинского, молодой слесарь НКВД (Четверо детей). По ходу пьесы этот типичный «сталинский сокол» бросает подследственной, ветерану партии (есть роль репертуарная Вера Марцарица): «Да при чем тут

Антон! Думаешь, старик все понимает! Мы с ним тоже кой-кого прогладели...»).

Представителем другого лагеря несколько неожиданно выступил известный экономист, бывший зампред союзного Совмина Леонид Абалкин. Отвечая

Из досье «УГ»

Выступления М. против распространения в 20-х гг. идей педоцентризма, критики переноса теории свободного воспитания, резко отрицательные полемические суждения о пед. литературе, необычные формы организации дет. коллектива (напр., система отрядов с командными во главе) — все это служило поводом для идейной борьбы вокруг «рядового» провинциального практика, к-рый общие для всех советских педагогов задачи решал необычно, по-своему.

Педагогическая энциклопедия, т. 2, 1965 г.

в журнале «Звезда» об экономическом положении страны, он, в частности, заявил, что наследие Макаренко, касающееся не только «чисто школьной» педагогики, но и педагогики социальной, формирования социальных ценностей и ориентиров, до сих пор недооценено в полной мере. О каких же ориентирах речь? Что именно любил экономист Абалкин в макаренковском наследии?

А то, довольно уклончиво отвечает автор, что Макаренко формировал личность, «создавал определенную социальную микросреду, выводил своих воспитанников на арену общественных интересов». Впрочем, вот что более определенно писал об этом сам Антон Семенович: «Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя — все это должно

располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учетом основного фактора — экономического прогресса всей страны».

Итак, если не брать в расчет собственно идеологическую канву педагогического мировоззрения Макаренко — с признанием в нашем обществе приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, эта сторона дискуссии во многом утратила свою остроту — оста-

Из досье «УГ»

Макаренко вообрал в себя самое страшное, что было в сталинской идеологии. Неприятие личности, отход от интеллигентных традиций русской, да и классической педагогики, отход от Идеала, каким был для всех времен и народов всесторонне и гармонично развитый человек. Этот Идеал Макаренко назвал болтовней. Его идеалом человека стал, так по крайней мере он сам заявил, работник ГПУ, податливый, крепкий, противостоящий русскому интеллигенту, не знающему, что такое совесть, добро, красота, то есть отвергающий эти понятия, как мелкобуржуазные.

Юрий АЗАРОВ. Из романа-исследования «Не подымайся тебе, старик», 1989 г.

есть одна, не всегда явная, но принципиальнейшая линия размежевания идеологий и критиков макаренковской системы. И относится она к сфере взаимоотношений коллектива и воспитанника, государства и личности. В воспитательных учреждениях Макаренко интересы коллектива, интересы государства были абсолютными, права личности (которые сам А.С. называл «лирические дребедени») относительными. Все остальное, что подчас на-

зывают главным открытием Макаренко — например, разновозрастной отряд, система самоуправления, — все было производным от этой главной методологической посылки.

Кто же он, Антон Макаренко? Жесткая сталинская эпоха, талантливый манипулятор, употребивший свой талант на совершенствование архипелага ГУЛАГ? Или действительно великий педагог, на много опередивший свое время и потому доселе невостребованный? И был ли его опыт в самом деле «островком свободы», как это полагает студент А. Бальбердин?

Несмотря на титанические усилия последователей Макаренко, его система нигде и никогда не смогла быть воспроизведена в достаточно полном объеме. Почему? Эта задача еще ждет своих исследователей. Наверное, столь уникальные были обстоятельства, само время, в которое жил и работал педагог, неповторима оказалась и его личность.

И все же из «макаренковского рукава» вышли многие общественно-педагогические движения, ставшие событием в педагогике 50—60-х. Это коммунарское движение (опыт Фрунзенской коммуны и методики коллективных творческих дел

Из досье «УГ»

Сейчас все мы, педагоги, работающие в интернате, уверены, что система Макаренко — наиболее прогрессивная система. И рано или поздно по методике Антона Семеновича Макаренко будут работать все наши школы, независимо от типа.

Из выступления директора Мамлютской санаторной школы-интерната народного учителя СССР Г. Кубарова в концертной студии Останкино «Учительская газета», 10 сент. 1988 г.

И. Иванова). Это создание школьных заводов (воспитанники В. Карманова и его «Чайки»), школ-хозяйств — Шоубова, Кубарова и других. Это возникновение разновозрастных отрядов по месту жительства (опыт Гасилова и его последователей).

Однако есть, увы, и другая сторона медали.

В конце прошлого учебного

года группа подростков из 41-й белгородской школы избилась своего 13-летнего одноклассника Славу Ш. За что? А за то, что сдал зачет... на четверку. Может, Слава нарушил бойкот, объявленный учителем двоечниками? Отнюдь. Оказалось, в школе на законных основаниях — пусть и без ссылки на Макаренко, по своему — но внедряется принцип параллельного педагогического действия: учитель не имеет дела с отдельной личностью, он имеет дело с коллективом. Школа объявила: если хоть один из учеников не сдаст на «отлично» зачет по английскому, то всему классу придется сдавать по этому предмету переводной экзамен.

Происшедшее в белгородской школе можно было бы считать случайной нелепостью. Но вот в школах Казани, Алматы, других городов, известных своей сложной, криминальной ситуацией в подростковой среде, иные классные руководители приняли названные старостами лидеров подростковых группировок. При этом активистам, как водится, выходили «послабления» в учебе и вообще «хорошие отношения» со стороны педагога. По-настоящему методы борьбы за дисциплину и успеваемость у такого рода «актив» мало чем отличались от тех, что испытывал на себе Слава Ш.

Столь своеобразное понимание макаренковского принципа «опоры на актив», которое кажется вопиющим в нормальной школе, вовсе распространено в воспитательнотрудовых колониях для несовершеннолетних. На активистах — часто стучаках и вышибалах — держится по сути весь механизм управления колонией, стимулирования труда и учения оставшихся «перевоспитуемых» (Механизм этот всесторонне исследовал Виталий Еремич в своей публикации «Иду спасать» в №№ 4—5 «УГ» за этот год). И здесь это уже прямо связывается с идеями Макаренко, чей портрет неизменно венчает кабинет замполита или начальника колонии.

Вспомнина, в какой шок повергло последователей Макаренко соблюдение в нашей прессе о человеке, отсидевшем 20 лет в тюрьмах и лагерях «политической Румынии». Он рассказал о тюрьме, которая в последующие годы оказалась в руках банды «железнодорожников» — членов национальной фашистской организации. Те

заявили, что порывают со своим прошлым и приступают к перевоспитанию своих бывших товарищей из «Железной гвардии» по системе Макаренко.

Они говорили: того, что мы делаем, нет в книгах Макаренко, но от него остались еще записки, где он изложил свою систему, вот мы и следуем этим «запискам». Согласно рекомендациям Макаренко, как утверждали его новоявленные последователи, человека нужно избивать до смерти, заставляя его оплевывать самого себя, пить собственную мочу. В условиях такого «перевоспитания», рассказывает очевидец, одни заключенные доходили до жуткого состояния и теряли всякую чувствительность, другие умирали или сводили счеты с жизнью.

Конечно, ссылка на некие «тайные записки» Макаренко подобного содержания — полная чушь и кощунство над памятью выдающегося педагога. Истина в другом: мы очень мало знаем неотритуализированного Макаренко. Остаются детали его биографии, замалчиваемые десятилетиями. Остаются на полках спецхранов его работы, недоступные широкому читателю.

Кое о чем нам приходилось догадываться и раньше — благодаря «критике зарубежных фальсификаций» макаренковского наследия, время от времени появлявшейся на страницах нашей педагогической периодики. Поэтому, наверное, будет логично, если мы наконец предоставим слово непосредственно одному из тех самых «фальсификаторов», а точнее, одному из наиболее известных зарубежных исследователей творческой судьбы и наследия Макаренко Гейтцу Хиллигу. Цель перепечатки в «УГ» его статьи из южноканского журнала «Грани» — не «опорочить» Макаренко, а помочь читателю разгадать его без «христианского глупца», сообщить факты биографии, которые в угоду политической конъюнктуры искажались или замалчивались отечественными макаренковедами. И, может быть, помочь современникам лучше понять Макаренко и его время.

«Драма невостребованности» — так называлась статья о Макаренко, опубликованная в «УГ» пару лет назад. Думается, точку в таком заголовке ставить все же еще рано.

В. ЖУКОВ.

Из досье «УГ»

Среди интеллигентщины была исконная вера в особую роль души, в некое особое значение личности учителя, в сверхъестественное значение интереса к нему. И в этой нелепости воспитания должен был быть чуткий, добрый, любящий детей энтузиаст с сердцем, переполненным любовью, и в самом испорченном ребенке — такая «чуть» воскалывала педагога (ремарка Ю. Азарова). — Реб., — делать ставку на «припадочные любящие сердца» — кому это нужно? Может быть, ага! А нам, большевикам-педагогам, нужна уверенность в завтрашнем

дне, нужна беспощадность к врагам, даже если были когда-то друзьями, даже если у них были заслуги перед революцией. Педагогика — явление социальное, здесь надо исходить из той великой мизансцены, которая захватывала страну. Та не могла допустить торжества и в нарядном советском воспитательном учреждении — в колонии, в интернате, в школе, в коллективе! И непременно мажор! Улыбка, смех, Веселые ребята, Веселые педагоги!

А. С. МАКАРЕНКО. Цитируется по ин. Ю. Азарова «Не подымайся тебе, старик».

Антон Семенович Макаренко считается и за пределами СССР одним из выдающихся педагогов этого столетия. Однако конкретные обстоятельства, при которых произошла его канонизация, еще недостаточно выяснены.

Сведения о жизни и деятельности Макаренко до 60-х годов основывались прежде всего на двух вышедших еще в сталинское время работах Е. Н. Мельникова и Е. З. Балабановича. Тогда стремились представить Макаренко выдающимся советским педагогом, а также пропагандировать его и за пределами СССР; в его биографии многое замалчивалось и сглаживалось.

С самого основания лаборатории «Макаренко-Реферат» при Марбургском университете в 1968 году подготовка научной биографии Макаренко стала одной из основных задач нашей работы.

В этой статье мне хотелось бы сообщить о некоторых результатах исследований Марбургской лаборатории. Они касаются прежде всего политически обусловленных табу и искажений, допущенных советским макаренковедением.

Социальное происхождение

АНТОН Семенович Макаренко (род. 1 (13) марта 1888 г.) вырос не в семье бедного рабочего (как он пишет в «Книге для родителей» в 1937 г., а также в своей повести «Честь» 1937—38 гг., и что без проверки принимал его биограф), а в семье квалифицированного ремесленника (малая, работавшего в одной из железнодорожных компаний) (Южная железная дорога). Его отец, как мастеровой со специальным образованием и с сознанием своей социальной принадлежности, находился вместе с другими служащими и рабочими железных дорог в относительно привилегированном положении — по сравнению с другими группами трудящегося населения предреволюционной России. За заслуги перед народом и Отечеством он был отмечен почетным гражданством Российской империи званием личным почетным гражданством.

Об этом мы узнали от брата А. С. Макаренко Виталия. «Родственник за границей».

Виталий Семенович Макаренко (1885—1983) играл важную роль в жизни педагога после Октябрьской революции: Антону удалось устроить своего брата, служившего офицером во время мировой войны, учителем в Кроковском железнодорожном высшем начальном училище, которым он руководил (с 1917 по 1919 год). Там Виталий ввел в преподавание физкультуру и внешкольные занятия (сначала против воли своего ялого антиинтеллигентски настроенного брата), воененизированные элементы — такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Этим были созданы основательные предпосылки для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплини-

рования, как это позднее практиковалось А. С. Макаренко в руководимых им учреждениях (колония им. М. Горького, коммуна им. Ф. З. Дзержинского) и что послужило поводом для упрека в том, что он сам был «полковником».

То обстоятельство, что Виталий Семенович вступил в своей личной ситуации, как бывший офицер царской армии в 1919 году присоединился к контрреволюционному белым войскам и уехал после их поражения за границу, создало брату в сталинское время немало политических трудностей. Но об этом так же, как и о том факте, что у А. С. Макаренко были брат и три сестры, в советской макаренковедческой литературе до последнего времени нельзя было ничего прочесть.

До конца 20-х годов, т. е. пока это было возможно с политической точки зрения, А. С. Макаренко состоял в переписке со своим братом. Но впоследствии он избегал упоминания о брате, причем как открыто, так и в своих личных записках. Хотя два раза ему все-таки пришлось раскрыть историю своей семьи, а именно при поступлении на работу в НКВД и при вступлении в партию.

Благодаря «обнаружению» В. С. Макаренко, которого мы разыскали в 1970 году в доме престарелых в г. Иере (Южная Франция) и убедил написать его воспоминания о совместно проведенных годах детства и юности, исследователи получили важный источник, которым в последнее время все чаще и чаще пользуются также и те авторы в СССР, которые сделали его некогда «нежелательным лицом».

Политические взгляды молодого Макаренко

«Решающее влияние» революционных событий 1905 года на Макаренко, собственная политическая активность его в тот период — все, что приписывается Макаренко со времени выхода в свет моно-

графии Е. З. Балабановича «А. С. Макаренко» в 1951 году (и что, стало быть, не было известно вдове Макаренко, когда она писала в 1941 году свою программную статью «Жизнь, полная труда и исканий»), пока еще не подтверждено достоверными доказательствами.

Убедительное объяснение того, почему об этих политических интересах молодого Макаренко стало известно лишь после его смерти, дает В. С. Макаренко. Он тоже свидетельствует, что А. С.

Гейтц Хиллиг

Неизвестный МАКАРЕНКО

Макаренко был в контакте с российским революционным движением, но он говорит о социаль-революционных (эсеровских), а никак не большевистских настроениях брата. Непростительное время А. С. Макаренко являлся кандидатом в члены партии эсеров.

Объяснение Макаренко с коммунистической идеологией произошло, совершенно очевидно, во второй половине 20-х годов. То есть это относится к тому времени, когда началось массовое вступление в коммунистическую партию рабочих, а потом и служащих. Решающей в этом смысле была встреча Макаренко с Галиной Стахиной Салько, впоследствии его женой, членом партии с 1918 года. Через нее он познакомился с другими украинскими коммунистами.

Г. С. Салько была к этому времени председателем комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей Харьковской области.

слугу Макаренко. Действительность же выглядела иначе: превращение этого детского учреждения ГПУ Украины в фабричный комплекс, для которого определялись бы прежде всего экономические показатели, где основой производства все в большей степени становились наемные рабочие, никакие отношения к коммунизму не имели, и где воспитатель стал со временем меньшинством (этот процесс активно проводился правлением коммуны) — это превращение происходило против воли Макаренко. Круг же его обязанностей и прав становился все меньше и меньше — сначала он был заведующим всей коммуной, но с 1932 года стал начальником педагогической части и одновременно «помощником» члену комитета начальников коммуны. Строго говоря, с начальством коммуны все чаще к попыткам уйти из коммуны, чтобы начать дело на новом месте. Однажды он даже хотел взять с собой всех

года в Москве встретился с читателями «Поэмы».

При Ежове, т. е. в период массовых репрессий, Макаренко приложил большие усилия, чтобы уловиться в должности помощника ОТК и навсегда уйти из системы НКВД.

После переезда в Москву (1937) Макаренко стремился не привлекать внимания в своей деятельности в украинском НКВД. Так, он никогда не говорил публично о своей работе в ОТК. Этой же традицией следует и его первый биограф Е. Н. Мельников в своих книгах о Макаренко, написанных в 40-х годах.

Демонстрация политической «бдительности»

В феврале 1937 года Макаренко вместе с семьей переехал из Киева в Москву. Своего политического «бдительности» в это время Макаренко проявлял не только в статьях-откликах на актуальные внутриполитиче-

ло опубликовано в «Литгазете» от 31 июля 1937 года под заголовком «Враждебная книга». В сообщении подчеркивалось, что Макаренко в своей рецензии «убедительно доказал, что повесть Н. Гирей — дурнопахнущее произведение, клеветническое искажающее социалистическую действительность». Тем самым, сообщалось далее в публикации, стало возможным вскрыть «фашистско-кулацкое нутро произведения».

Ярлык вроде «дурнопахнущий» и «фашистско-кулацкий» обозначали в то время обычно одно: арест и ссылку — если не расстрел. О дальнейшей судьбе Н. Гирей до сих пор ничего не известно.

С начала февраля до начала марта 1939 года — т. е. непосредственно перед 18-м съездом ВКП(б) и за несколько недель до его незадолго до начала коллективизации высказываний Макаренко на внутриполитические темы, подкрепленных цитата-

ми из речей Сталина, снова возрастает. Вскоре он напишет заявление с просьбой о приеме в партию. Вне всякого сомнения, побудительной причиной этой вновь возникшей «тесной связи с партией» было неожиданное награждение Макаренко орденом Трудового Красного Знамени. Награжден он был за заслуги в развитии советской литературы.

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся еще во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 года. На вопрос одного из слушателей: «Если несправедлив, то как вы смотрите на высшую меру наказания — расстрел?» Макаренко отвечает вначале уклончиво, рассказывает при помощи конкретного примера о «высшей мере наказания» в коммунах им. Дзержинского — исключении из коллектива. Потом он все же переходит к существу вопроса.

Стенограмма этого выступления хранится в ЦГАЛИ СССР, и в ней такие строки: «И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо несправедливо, намеренно, еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев — вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они канули бы могли прожить, и уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам».

В советской печати эти строки никогда не публиковались без купюр и без «смягчения» их смысла.

Макаренко — «классовый ВРАГ»

Двумя с половиной годами раньше Макаренко сам был объявлен «врагом». Это событие, долгое время известное лишь отдельным советским исследователям, позволяет рассматривать поведение Макаренко в годы террора в новом свете.

5 сентября 1936 года Макаренко, будучи уже помощником начальника отдела трудколхозов НКВД Украины в Киеве, приехал в Харьков, чтобы принять участие в празднике по случаю очередного выпуска воспитанников коммуны им. Дзержинского.

Обращение Макаренко к коммунарам-выпускникам в тот же день было рассмотре-

но на закрытом заседании партийной ячейки коммуны им. Дзержинского. На основе решений партийной ячейки, принятой 7 сентября 1936 года, написав письмо секретарю парткома НКВД Украины Краукину. В нем среди прочего говорилось, что Макаренко, «касаясь отношения коммунаров к оппозиции», «выразился» перед рабочими, коммунарами, инженерами и управляющим персоналом — а это около тысячи человек — «буквально следующим образом: «Все мы работаем под руководством партии и товарища Сталина. И если товарищ Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один из нас, которого не хочу называть, поведет нас по неправильной дорожке, то все же надо идти за товарищем Сталиным». Не подлежит сомнению, что под этим «одним» имелся в виду Троцкий.

Высказывания Макаренко, которые он сделал перед коммунарами, выпускниками, характеризовались в письме Огня как «контрреволюционные мысли», «антисоветские заявления», «выступления классового врага». Получатель письма Краукин наложил на доклад Огня резолюцию от 13 сентября 1936 года: «Тов. Стрижевскому. Как только Кандыба съедет в ОТК, мы через некоторое время М. уталим. И не верю этому контрреволюционному на грош. Это враг».

Однако Макаренко не был арестован, даже не был снят с работы. В его судьбу вмешался тогдашний нарком внутренних дел Украины В. А. Балицкий. Спустя некоторое время Макаренко выехал в Москву.

В июле 1937 года Балицкий был арестован и через 4 месяца расстрелян. Донесения сразу восприняли духом и направили дело на Макаренко в столицу. Но его не арестовали и на этот раз. По рассказу одного из доверенных лиц жены Макаренко, она получила из Киева своевременную информацию и сумела найти заступничество у писателя Шолохова и Фадеева, которые просили за него самого Сталина.

Макаренко не был репрессирован. Он умер естественной смертью 1 апреля 1939 года.

Публикуется с незначительными сокращениями. Полностью текст статьи вы можете прочесть в № 9 дайджеста отечественной и зарубежной прессы «Собрание» за этот год.

